

Субъективное благополучие и доверие в контексте психологической безопасности в современной России и других европейских странах

Zelenev, Ilya A.; Prokhoda, Vladimir A.

Veröffentlichungsversion / Published Version

Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Zelenev, I. A., & Prokhoda, V. A. (2020). Субъективное благополучие и доверие в контексте психологической безопасности в современной России и других европейских странах. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 1, 340-367. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.14>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer CC BY-NC-SA Lizenz (Namensnennung-Nicht-kommerziell-Weitergabe unter gleichen Bedingungen) zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den CC-Lizenzen finden Sie hier:

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/deed.de>

Terms of use:

This document is made available under a CC BY-NC-SA Licence (Attribution-NonCommercial-ShareAlike). For more information see:

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0>

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.14

Правильная ссылка на статью:

Зеленов И. А., Прохода В. А. Субъективное благополучие и доверие в контексте психологической безопасности в современной России и других европейских странах // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 340—367. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.14>.

For citation:

Zelenev I. A., Prokhoda V. A. (2020) Subjective Well-Being and Trust in the Context of Psychological Security in Contemporary Russia and Other European Countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 340—367. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.14>.

И. А. Зеленов, В. А. Прохода СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ДОВЕРИЕ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ДОВЕРИЕ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

SUBJECTIVE WELL-BEING AND TRUST IN THE CONTEXT OF PSYCHOLOGICAL SECURITY IN CONTEMPORARY RUSSIA AND OTHER EUROPEAN COUNTRIES

ЗЕЛЕНЕВ Илья Александрович — научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: Zelenev@YANDEX.RU

<https://orcid.org/0000-0002-4658-5601>

Ilya A. ZELENEV¹ — Research Fellow at the Chair of Social Psychology, Department of Psychology

E-MAIL: Zelenev@YANDEX.RU

<https://orcid.org/0000-0002-4658-5601>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ПРОХОДА Владимир Анатольевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник кафедры философии образования философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; доцент департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: prohoda@bk.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7508-960X>

Vladimir A. PROKHODA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow at the Chair of Philosophy of Education, Department of Philosophy; Assistant Professor at the Department of Sociology, History and Philosophy
E-MAIL: prohoda@bk.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7508-960X>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Аннотация. В русле междисциплинарного подхода в статье обосновывается и иллюстрируется целесообразность использования интегративной характеристики «психологическая безопасность» для оценки макросоциальной ситуации в стране или регионе. Эмпирическая основа статьи — результаты обработки некоторых данных проекта European Values Study (EVS). Страны и федеральные округа РФ совместно ранжированы по следующим показателям: субъективное благополучие населения, обобщенное доверие, институциональное доверие, психологическая безопасность. Судя по полученным результатам, уровень субъективного благополучия россиян в сравнении с жителями остальных стран — участниц EVS — чрезвычайно низкий. Ниже показатель только в Болгарии. На противоположном «полюсе» — Швейцария, Исландия и Норвегия. Россию, к сожалению, нельзя отнести и к числу государств с высоким уровнем генерализованного доверия. Его показатель минимальный из 30 стран — в Албании, а максимальный — в Дании. По европейским меркам, в России — средний уровень институционального доверия. Наименьший он в Болгарии, а самый высокий — в Норвегии. Из об-

Abstract. The article applies a multidisciplinary approach and investigates the viability of using an integrative characteristic of psychological security to assess macrosocial situation regionally and nationally. The paper is based on the data drawn from European Values Study (EVS). The countries and Russian federal districts were ranged according to the following parameters: subjective well-being, generalized trust, institutional trust, and psychological security. The results suggest that, compared with residents of other EVS member countries, the level of subjective well-being among Russians is extremely low. Only Bulgaria has a lower position. On the other pole of the scale are Switzerland, Iceland and Norway. In terms of generalized trust the list of 30 countries is headed by Denmark, with Albania at the bottom of the list. Unfortunately, Russia cannot be found among the countries with the highest levels of generalized trust. By European standards, Russia has an average level of institutional trust in the list, with Bulgaria at the bottom, and Norway remaining and the top. Of all participant countries, seven have lower levels of psychological security than Russia; Bulgaria and Albania have the lowest standings; the most favorable situation is in Finland and

щего числа стран — участниц проекта в семи уровень психологической безопасности ниже, чем в России. Самое неблагоприятное положение — в Болгарии и Албании, наиболее благоприятное — в Финляндии и Норвегии. Выявлены лидеры и аутсайдеры среди российских федеральных округов. Определены сильные и слабые компоненты психологической безопасности в нашей стране.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, макросоциальный подход, субъективное благополучие, доверие, психологическая безопасность, корреляционный анализ, факторный анализ, дисперсионный анализ, регрессионный анализ

Norway. The study also reveals leaders and outsiders among Russian federal districts and describes strong and weak points of psychological security in Russia.

Keywords: interdisciplinary approach, macrosocial approach, subjective well-being, trust, psychological security, correlation analysis, factor analysis, dispersion analysis, regression analysis

Субъективное благополучие и доверие

Счастье — это не только личное дело отдельного человека, но и достояние социума, оно может иметь до некоторой степени независимые когнитивные и эмоциональные составляющие [Аргайл, 2003]. Психологическое благополучие первоначально рассматривалось как личностное ощущение удовлетворенности жизнью и не связывалось с субъективным благополучием. Однако Э. Динер в своей теории рассматривает субъективное благополучие как состоящее из трех компонентов: удовлетворения, позитивных и негативных эмоций [Diener, 1984]. Существуют подходы, объединяющие оба понятия или определяющие их как составные части друг друга (Н. Брэдбурн, К. Рифф, Э. Динер, Р. Лэйард, Е. Н. Панина и др.). Субъективное благополучие можно понимать как общую оценку своей жизни человеком, включающую эмоциональные и рациональные компоненты. Это аналог философского понятия счастья и определения «качество жизни» [Леонтьев, 2011]. Образно говоря, в семантическом пространстве различных теорий счастья, психологическое и субъективное благополучие находятся как бы на пересекающихся прямых [Карпетян, 2014]. Существенно, что даже при схожем экономическом положении субъективные оценки благополучия могут различаться в разных странах, так как опираются на сравнение человеком себя с окружающими. Об этом свидетельствует, в частности, проведенное коллегами сравнение показателей объективного и субъективного благополучия населения в двадцати европейских странах [Золотарева, Зайковская, 2015].

Сегодня отмечается, что вхождение категории «доверие» в научную парадигму объясняется осознанием остроты социальной проблемы утраты доверия в современном обществе. «Доверие составляет существенный момент межличностного

общения, межгруппового и организационного взаимодействия, а также функционирования общества в целом» [Антоненко, 2013: 111].

Основные подходы к пониманию природы доверия нельзя считать противоположными друг другу, но их отличают специфические особенности: первый подход делает акцент на рациональности и оценке надежности (Р. Хардин, Т. Ямагиши), второй — на доверии аутгруппам (Г. Тэджфел, Дж. Тернер), третий — на доверии как моральной норме (Э. М. Усланер, Ф. Фукуяма) [Алмакаева, 2014]. В контексте отношений в гражданском обществе целесообразно рассматривать доверие как генерализованное доверие по отношению к другим людям и различным социальным институтам (Б. Барбер, Х. Гарфинкель, Н. Луман) [Мерсиянова, 2013]. По Ф. Фукуяме, доверие, будучи основой социального капитала, обеспечивает воспроизводство социальной структуры [Фукуяма, 2001]. Социальный капитал — это потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый в межличностных отношениях, это то, что облегчает индивидуальные или коллективные действия, генерирует сети отношений, взаимности и доверия, социальные нормы [Coleman, 1988]. Доверие людям вообще получило в литературе название *генерализованного* (или *обобщенного*) доверия. Для его измерения в массовых опросах с 1950-х годов обычно задается вопрос об отношении к людям, с которыми респондент лично не знаком, то есть о доверии *большинству людей* [Рукавишников, 2008].

Феномен доверия имеет отношение к различным видам деятельности человека, пронизывает его систему социальной ориентации в обществе — через доверие к другим людям, к институтам, к политическим и иным структурам. *«Формирование доверия оказывает важное влияние на развертывание личностного потенциала, субъективного благополучия индивида в обществе»* [Доверие и субъективное благополучие..., 2018: 12]. По Р. Инглхарту, межличностное доверие и субъективное благополучие (наряду с другими составляющими) входят в синдром, называемый «продемократической культурой», и имеют самые высокие корреляции со стабильной демократией [Inglehart, 1997].

Психологическая безопасность

А. Маслоу определял психологическую безопасность как состояние, в котором человек осознает, что его окружение безопасно и не угрожает ему причинением вреда [Maslow et al., 1945]. По его мнению, человек, испытывающий незащищенность, «воспринимает мир, как джунгли, полные угроз, людей вокруг — опасными и эгоистичными; чувствует себя отвергнутым и изолированным, встревоженным и враждебно настроенным; склонен к конфликтам, напряженности, закрытости; его беспокоит чувство вины, существуют проблемы с самооценкой...» [Maslow, 1942: 337]. Ощущающие себя психологически защищенными обычно уверены в себе, доверяют другим, менее беспокойны, более социальны и активно вовлечены в отношения с другими людьми [Taormina, Sun, 2015]. Чувство безопасности способствует развитию позитивных межличностных связей и предопределяет счастье во взаимоотношениях [Demir, 2008].

Представления о безопасности формируются после первичной оценки (оценка событий, условий или ситуации в качестве индикатора угрозы или опасности) и вторичной оценки (оценка того, насколько имеющихся средств защиты достаточно,

чтобы справиться с предполагаемой угрозой или опасностью). Если люди считают, что возникнут трудности в преодолении угрозы, то у них возникает убеждение о незащищенности, сопровождающееся аффективными последствиями [Lazarus, 1991; Smith, Lazarus, 1993]. Э. Симсен и коллеги [Siemsen et al., 2009] отмечают, что состояние безопасности влияет на интерпретацию будущего: «Когда человек чувствует, что он в безопасности и может правильно прогнозировать события, он будет делать выборы, способствующие расширению своей системы, даже с риском ошибиться, но затем последует период, в течение которого он будет совершать выборы, снижающие вероятность ошибки и служащие подкреплениями» [цит. по: Зотова, 2016: 249].

В рамках теории сохранения ресурсов (Conservation of Resources Theory — COR) предполагается, что люди вкладывают свои личностные ресурсы (такие как самооффективность, эмоциональный интеллект и т. п.), чтобы справиться с проблемами или угрожающими жизни ситуациями и защитить себя от стресса. Но стресс и даже угроза жизни могут возникнуть, когда эти ресурсы утрачены или не могут быть пополнены [Hobfoll, 1989]. С опорой на модель COR коллегами получены интересные данные о том, что психологическая безопасность, эмоциональный интеллект и самооффективность являются психологическими предикторами удовлетворенности жизнью [Afolabi, Baloguna, 2017].

В другом исследовании выявлена положительная корреляция между ежемесячными доходами (связь которых с субъективным благополучием хотя и не линейна, но прослеживается) и уровнем межличностного доверия, интерпретируемая как то, что люди с более высокими доходами чувствуют себя менее обеспокоенными ненадежностью других, потому что достаточные финансовые ресурсы укрепляют уверенность в себе и позволяют «не бояться доверять». А испытывающие недостаток в денежных средствах — более уязвимы и больше переживают из-за неискренности окружающих. В той же работе подтвердилась гипотеза о положительной взаимосвязи психологической безопасности, межличностного доверия и удовлетворенности жизнью [Taormina, Sun, 2015].

Многие исследователи указывают «на прямую связь между характеристиками окружающего нас мира и психологической безопасностью... Небезопасная или неупорядоченная окружающая среда может приводить к возникновению чувства бессилия, вызывать ощущение, что жизнь хаотична и полна неконтролируемых угроз» [Зотова, 2016: 248]. Нестабильность окружающей среды ведет к недоверию, беспомощности и социальной изоляции. Чувство небезопасности (незащищенности) становится причиной снижения самооффективности, доверия и социальной сплоченности [Ross, Mirowsky, 2009]. Примечательно, что выявлено и обратное влияние уровня безопасности социальных отношений на облик окружающей среды. Кроме того, обнаружена взаимосвязь между восприятием района своего проживания как опасного с наличием депрессивных симптомов [Aneshensel, Sucoff, 1996].

Все вышесказанное согласуется с сентенцией о том, что «...психологическая устойчивость общества, психологическое здоровье, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, качество жизни» формируют психологическую безопасность личности [Зинченко, Зотова, 2010: 120].

Согласно концепции психологической безопасности, предложенной Д. Бар-Талем, на основе субъективного восприятия и интерпретации внешних событий формируются представления о безопасности, являющие собой субъективное отражение реальности. Объектом безопасности, в отношении которого человек испытывает чувство неуверенности, может выступать, например, сам человек, его семья, этническая или религиозная группа, конкретная нация, государство и даже весь мир [Bar-Tal, Kruglanski, 1988].

Добавим, что проведенные российскими психологами исследования в последние годы дали подтверждение взаимосвязи психологической безопасности и доверия в межнациональном взаимодействии [Донцов и др., 2018; Dontsov et al., 2019].

На макросоциальном уровне *психологическая безопасность* — это «такое состояние общественного сознания, при котором общество в целом и каждая отдельная личность воспринимают существующее качество жизни как адекватное и надежное, поскольку оно создает реальные возможности для удовлетворения естественных и социальных потребностей граждан в настоящем и дает им основания для уверенности в будущем» [Рошин, Соснин, 1995: 26]. Наряду с состоянием *психического здоровья общества* (статистика самоубийств, неврозов и психозов, фактов психических эпидемий), индикаторами психологического состояния общества могут служить результаты социологических исследований по вопросам, касающимся веры людей в будущее и собственные перспективы, их оценки происходящих процессов и собственного положения, их отношения к властным структурам, оптимизма/пессимизма и т. п. [там же].

Психологическая безопасность общества включает в себя, помимо прочего, уровень субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью населения, уровень доверия населения социально-экономическим и политическим институтам, а также уровень социального доверия [Доверие и субъективное благополучие..., 2018].

Интересно, что, учитывая рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), при составлении рейтинга счастливых стран мира (Ranking of Happiness) используются показатели, которые отчасти пересекаются с конструктом *психологическая безопасность общества*: ВВП (ППС) на душу населения (в международных долларах); ожидаемая продолжительность здоровой жизни (по данным ВОЗ); результаты ответов респондентов на вопросы о наличии у них потенциальной социальной поддержки (помощи родственников, друзей), о свободе жизненного выбора, о жертвовании на благотворительность за прошедший месяц, о распространенности коррупции, о счастье [Helliwell et al., 2017: 17].

Резюмируя, отметим, что понимание безопасности как психологического явления не отрицает ее экономические, военные и т. п. концепции. Просто предлагают новые ракурсы и новые исследовательские методики.

Цели работы:

- 1) выявление уровней и взаимосвязей — субъективного благополучия, общенного (генерализованного) доверия, институционального доверия — в контексте психологической безопасности общества в России и других европейских странах;

- 2) определение сильных и слабых сторон (из числа указанных компонентов) психологической безопасности в России.

Методика и инструментарий исследования

Эмпирической основой проведенного вторичного анализа стали материалы второго релиза пятой волны межстранового социологического исследования «Европейское исследование ценностей» (European Values Study — EVS)¹, проведенного в 2017 г. В публикации анализируются данные по тридцати странам. Азербайджан, Армения и Грузия географически расположены в Азии, однако тесно интегрированы в европейское культурное и экономическое пространство, входят в объединение Восточное партнерство, и поэтому представлены в анализе.

При обработке первичной социологической информации использованы: корреляционный анализ (ранговая корреляция Спирмена), факторный анализ², однофакторный дисперсионный анализ, линейный регрессионный анализ. Из базы данных EVS-2017 с результатами опроса, после предварительного отбора были взяты для обработки ответы респондентов на одиннадцать вопросов (см. табл. 1).

Таблица 1. Вопросы анкеты и результаты факторного анализа № 1, № 2

		Факторные нагрузки***
Факторный анализ № 1*	Q 2. Говоря в целом, можете ли Вы сказать, что Вы... (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Очень счастливы», а «4» — «Совсем не счастливы»)	-0,77
	Q 3. Как Вы оцениваете состояние своего здоровья на сегодняшний день? По Вашему мнению, оно... (Шкала ответов от 1 до 5: «1» означает «Очень хорошее», а «5» — «Очень плохое»)	-0,69
	Q 9. Некоторые люди полагают, что они совершенно свободны в выборе и сами определяют свою жизнь, другие же считают, что они никак реально не влияют на то, что с ними происходит. Используя эту шкалу, оцените, пожалуйста, в какой степени, как Вам кажется, Вы влияете на ход своей жизни. (Шкала ответов от 1 до 10) 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 Совсем не влияю Сильно влияю	0,62
	Q 10. Принимая во внимание все стороны жизни, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время? (Шкала ответов от 1 до 10) 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 Совершенно не удовлетворен Полностью удовлетворен	0,83

¹ «Европейское исследование ценностей» — проект, в рамках которого с 1981 г. регулярно проводится сравнительное изучение убеждений, предпочтений, установок, ценностей населения европейских стран. Опрашиваются респонденты в возрасте 18 лет и старше по репрезентирующей население страны случайной выборке. Метод сбора первичной социологической информации — формализованное личное интервью (face-to-face). В 2017 г. впервые страны собирали данные в смешанном режиме с дополнительным использованием онлайн-опроса. (Подробнее см.: European Values Study. GESIS — Leibniz Institute for the Social Sciences. URL: <https://www.gesis.org/en/services/data-analysis/international-survey-programs/european-values-study/> (accessed: 17.02.2020)). В России опрос проведен ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) в ноябре — декабре 2017 г., размер выборки — 1825 респондентов.

² Термин «факторный анализ» использован в широком смысле, включающем анализ главных компонент [Бююль, Цёфель, 2002: 370].

		Факторные нагрузки***
Факторный анализ № 2**	Q 38 с. Я перечислю Вам сейчас некоторые организации и общественные институты. Скажите, насколько Вы доверяете системе образования? (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Полностью доверяю», а «4» — «Совсем не доверяю»)	-0,65
	Q 38 f. Скажите, насколько Вы доверяете полиции? (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Полностью доверяю», а «4» — «Совсем не доверяю»)	-0,71
	Q 38 h. Скажите, насколько Вы доверяете государственным учреждениям (службам)? (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Полностью доверяю», а «4» — «Совсем не доверяю»)	-0,75
	Q 38 i. Скажите, насколько Вы доверяете системе социального обеспечения? (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Полностью доверяю», а «4» — «Совсем не доверяю»)	-0,75
	Q 38 l. Скажите, насколько Вы доверяете системе здравоохранения? (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Полностью доверяю», а «4» — «Совсем не доверяю»)	-0,75
	Q 38 m. Скажите, насколько Вы доверяете системе правосудия? (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Полностью доверяю», а «4» — «Совсем не доверяю»)	-0,77
	Q 7. Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми? (Шкала ответов: «1» — «Большинству можно доверять»; «2» — «Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми»)	

* Анализ методом главных компонент; извлечена только одна компонента; решение не может быть повернуто; мера выборочной адекватности Кайзера — Мейера — Олкина = 0,7; объясняемая дисперсия = 54 %.

** Анализ методом главных компонент; извлечена только одна компонента; решение не может быть повернуто; мера выборочной адекватности Кайзера — Мейера — Олкина = 0,86; объясняемая дисперсия = 54 %.

*** Знак «минус» у факторной нагрузки для соответствующего вопроса указывает на обратную связь данного вопроса с полученным фактором (т. е. шкала ответов на вопрос противоположна направлению фактора).

Субъективное благополучие

Для выявления комплексной переменной, характеризующей субъективное благополучие респондентов, использовалась процедура факторного анализа. Поиск оптимального факторного решения проводился по различным наборам переменных (вопросов анкеты), учитывалось содержание существующих методик. Финальный вариант включал в себя факторизацию ответов на вопросы анкеты: Q2, Q3, Q9, Q10 (см. табл. 1). Полученный один главный фактор до вращения³ (см. результаты факторного анализа № 1 в табл. 1) интерпретируется как «Субъективное благополучие» (в дальнейшем «**S**»). Чем меньше значение по фактору, тем ниже у респондента уровень субъективного благополучия,

³ Напомним, что первый фактор до вращения («главный») всегда располагается в направлении максимальной вытянутости облака дисперсии ответов, что часто используется при конструировании психологических тестов.

а чем больше значение по данному фактору — тем уровень субъективного благополучия выше.

На рис. 1 страны — участницы EVS-2017 и восемь федеральных округов Российской Федерации (ФО РФ)⁴ расположены в порядке возрастания их средних факторных значений по уровню субъективного благополучия.

Предлагаемая методика совместного рассмотрения показателей в странах и в ФО РФ — это главным образом демонстрация тех потенциальных возможностей, которые появляются для комплексного содержательного описания ситуации в российских регионах, с учетом сходства макросоциальной ситуации в них с отдельными странами. Очевидно, что полномасштабная реализация подобного сравнения, так же как и сравнение ФО между собой, требует использования применительно к российским макрорегионам выборок больших объемов.

Дисперсионный анализ показал, что по уровню субъективного благополучия значимые различия между Россией в целом и ФО отсутствуют.

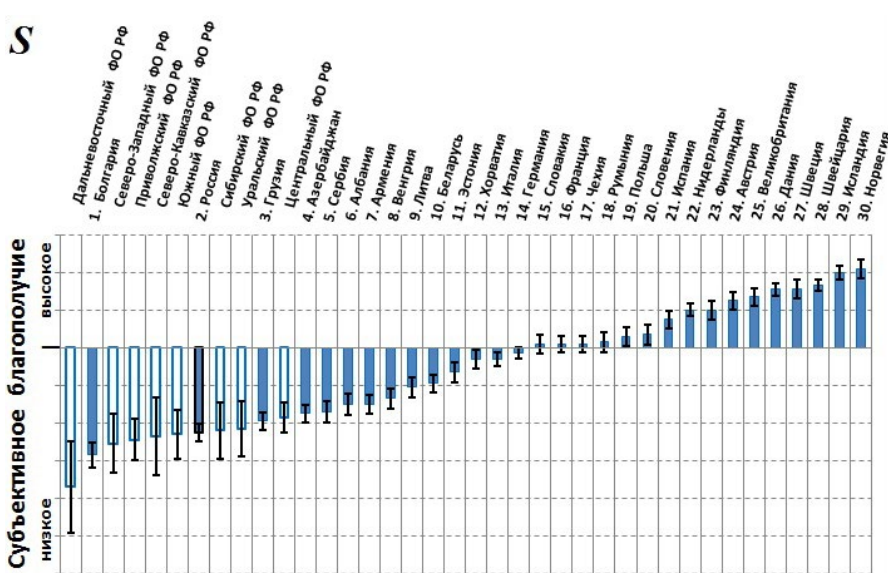

Рис. 1. Уровень субъективного благополучия населения и 95% доверительный интервал для среднего (30 стран и 8 ФО РФ ранжированы в порядке возрастания показателя)

В России, в сравнении с жителями остальных стран-участниц EVS-2017, один из самых низких уровней субъективного благополучия (ранг = 2). Хуже ситуация складывается только в Болгарии (ранг = 1). На диаграмме (см. рис. 1) рядом с Россией расположены Грузия (ранг = 3) и Азербайджан (ранг = 4), в которых положение дел выглядит не намного лучше. В целом обращает на себя внимание

⁴ Проведенное сравнение показало, что структура факторного решения идентична не только для национальных выборок (то есть в 30 странах), но и воспроизводится на уровне российских макрорегионов (все переменные попадают в главный фактор до вращения). Появляется возможность сравнения ситуации в федеральных округах с Россией в целом, а также с другими европейскими странами.

то, что в числе стран-аутсайдеров оказались постсоветские и постсоциалистические государства.

В правом, «благополучном» крыле этой диаграммы расположились Скандинавские страны (Дания: ранг = 26; Швеция: ранг = 27; Норвегия: ранг = 30), а также Исландия (ранг = 29) и Швейцария (ранг = 28). Полученные результаты весьма устойчивы и подтверждаются данными других исследований [Донцов, Зеленов, Прохода, 2019].

Для иллюстрации того, что собой представляет полученный нами ранг каждой страны после ранжирования средних факторных значений, обратимся к процентным распределениям «субъективно благополучных/неблагополучных» респондентов в четырех выбранных для примера странах (см. табл. 2)⁵.

Таблица 2. Процентные распределения «субъективно благополучных/неблагополучных» респондентов в четырех странах

Ранг	Страна	Субъективно неблагополучные	Скорее, субъективно неблагополучные	Скорее, субъективно благополучные	Субъективно благополучные
01	Болгария	47,3	19,6	16,6	16,5
02	Россия	42,3	28,9	17,6	11,2
16	Франция	22,6	27,9	24,5	25
30	Норвегия	11,5	18,4	28,9	41,2

Итак, в Болгарии (ранг = 1) и России (ранг = 2) наблюдается закономерность: чем ниже уровень субъективного благополучия респондента (разумеется, в рамках полученной 4-балльной шкалы), тем больше таких респондентов в стране. Норвегия (ранг = 30), напротив, демонстрирует обратную закономерность: чем выше уровень субъективного благополучия респондента, тем больше таких респондентов в стране. Во Франции (ранг = 16) опрошенные распределены по группам относительно равномерно.

Генерализованное доверие

Под генерализованным, или обобщенным доверием традиционно понимается «доверительное отношение к людям, о которых индивид не имеет никакой априорной информации» [Рукавишников, 2008: 18]. Для выявления уровня генерализованного доверия (в дальнейшем — «**G**») проводился частотный анализ ответов на вопрос о том, можно ли доверять большинству людей (вопрос Q7, см. табл. 1). Использование такой формулировки вопроса, в том числе применительно к России, вызывает определенные дискуссии [Алмакаева, 2014; Кертман, 2006; Рукавишников, 2008; Miller, Mitamura, 2003; Torpe, Lolle, 2011]. Не углубляясь в полемику, отметим, что считаем допустимым использование данного вопроса

⁵ Шкалы нормализованных значений в данном случае преобразовывались в четырехбалльные путем разделения респондентов после ранжирования на квартили (таким образом, в первый квартиль попадают 25% респондентов — с минимальными значениями по характеристике, а в четвертый квартиль — 25% с максимальными). Отметим, что таблицы процентных распределений (см. табл. 2—4) предлагаются главным образом не для сравнения их друг с другом, а именно для иллюстрации того, что собой представляет полученный нами ранг каждой страны.

анкеты — при сравнении ситуации в России и других европейских странах, применительно к целям нашего исследования.

Уровень генерализованного доверия, характеризуемый долей респондентов, считающих, что большинству людей можно доверять, представлен (по каждой из 30 стран и по 8 ФО РФ) на рис. 2.

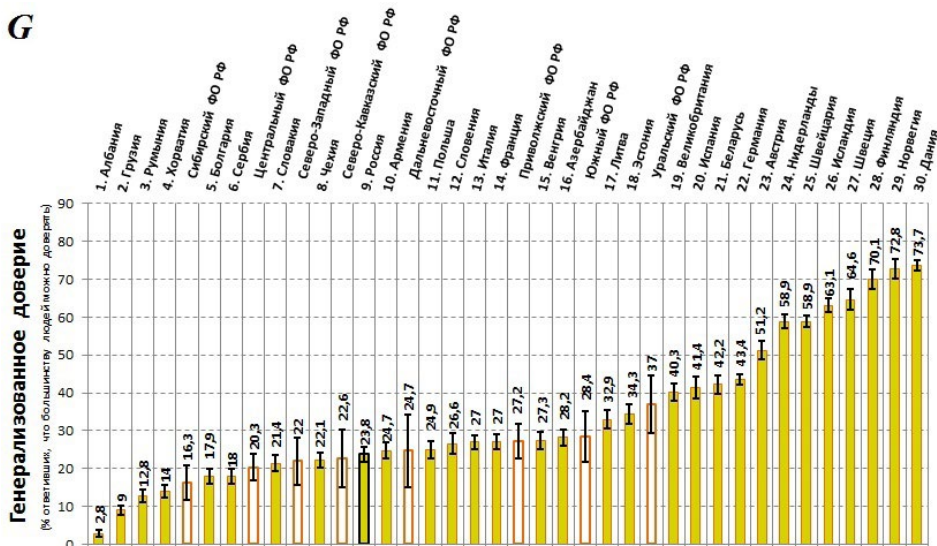

Рис. 2. Уровень генерализованного доверия и 95% доверительный интервал для долей (30 стран и 8 ФО РФ ранжированы в порядке возрастания показателя)

Обращает на себя внимание высокий, по сравнению с Россией в целом, уровень генерализованного доверия в Уральском ФО и низкий — в Сибирском ФО. Высокий уровень межличностного доверия в Уральском ФО отмечается и по результатам других исследований [Воронов, Ромашкин, 2010].

Европейские страны оказались весьма дифференцированы по полученному показателю. Минимальное и максимальное значения **G** различаются более чем в 26 раз. Из рисунка 2 следует, что респонденты из Албании (2,8%) в большей мере, чем опрошенные в остальных странах — участницах проекта, склонны с недоверием воспринимать большинство людей, не намного лучше обстоят дела и в Грузии (9%). Россию (с показателем 23,8%), к сожалению, нельзя отнести к числу государств с высоким уровнем генерализованного доверия. Максимальных значений **G** достигает в отдельных странах Северной Европы (от 58,9% в Нидерландах; 63,1% в Исландии; 64,6% в Швеции; 70,1% в Финляндии; 72,8% в Норвегии и до 73,7% в Дании), а также в Швейцарии (58,9%).

Показатели, близкие к российскому, фиксируются в Чехии (22,1%), Армении (24,7%) и Польше (24,9%). Кроме того, в левой половине диаграммы расположены бывшие социалистические государства и Грузия (9%), а также Италия (27%) и Франция (27%), которые имеют свою специфику (исследователи отмечают, что

сравнительно низкий уровень генерализованного доверия компенсируется здесь доверием к ближайшему окружению, в частности — семье [Фукуяма, 2004: 59]). Обращает на себя внимание сравнительно высокий уровень обобщенного доверия в Беларуси (42,2%).

Институциональное доверие

Далее проводился факторный анализ ответов на вопросы Q38c, Q38f, Q38h, Q38i, Q38l, Q38m. При факторизации шесть переменных сгруппировались в один главный фактор (см. результаты факторного анализа № 2 в табл. 1), назовем его «Институциональное доверие». Сразу уточним: полученный фактор отражает доверие к конкретным *шести институтам*, и при очевидной связи (корреляции) с институциональным доверием в широком понимании все же обладает определенной особенностью.

Использование фактора «Институциональное доверие шести институтам» вызвано необходимостью использования универсального для всех стран индикатора доверия институтам. Но дело в том, что при одновременной факторизации по более широкому списку институтов возникает проблема специфичности структуры факторов и их количества в разных странах. Только эти шесть институтов группируются в один фактор во всех странах. Как видим, речь идет о доверии институтам, с которыми респонденты могут непосредственно контактировать в своих повседневных социальных практиках (это их объединяет). Адекватность подобного индикатора с точки зрения оценки психологической безопасности общества аргументируем следующим образом. Взаимодействие с вышеуказанными институтами подразумевает обращение индивидов к репертуару как межличностных ролей, так и социальных. В подобном случае социальная роль является динамическим аспектом статуса, заданного макросоциальной структурой или государством. Поэтому от успешности таких взаимодействий будет зависеть ощущение той защищенности, обеспечение которой — прямая обязанность властей всех уровней.

Чтобы не забывать о необходимости учитывать рассмотренный нюанс, далее в тексте прибегнем к обозначению *институционального доверия шести институтам*, с которыми респонденты могут непосредственно контактировать в своих повседневных социальных практиках (*система образования, полиция, государственные учреждения (службы), система социального обеспечения, система здравоохранения, система правосудия*): «*I*» (то есть, *I*-штрих). Чем меньше значение по этому фактору, тем выше у респондента «Институциональное недоверие», а чем больше значение по фактору *I*, тем у респондента выше «Институциональное доверие».

На рисунке 3 страны и российские федеральные округа расположены в порядке возрастания их средних факторных значений.

По уровню институционального доверия значимо от общероссийских показателей отличается Северо-Западный ФО, жители которого демонстрируют низкий уровень *I*, сопоставимый, например, с показателями в Албании, Армении, Сербии, Словении, Хорватии, Румынии и др. Это отчасти согласуется с результатами других исследований [Воронов, Ромашкин, 2010]. Население Приволжского ФО, наоборот, характеризуется сравнительно высоким по общероссийским меркам

показателем, значимо не отличающимся от аналогичного, например, в Испании, Эстонии, Исландии, Германии, Нидерландах, Великобритании и др.

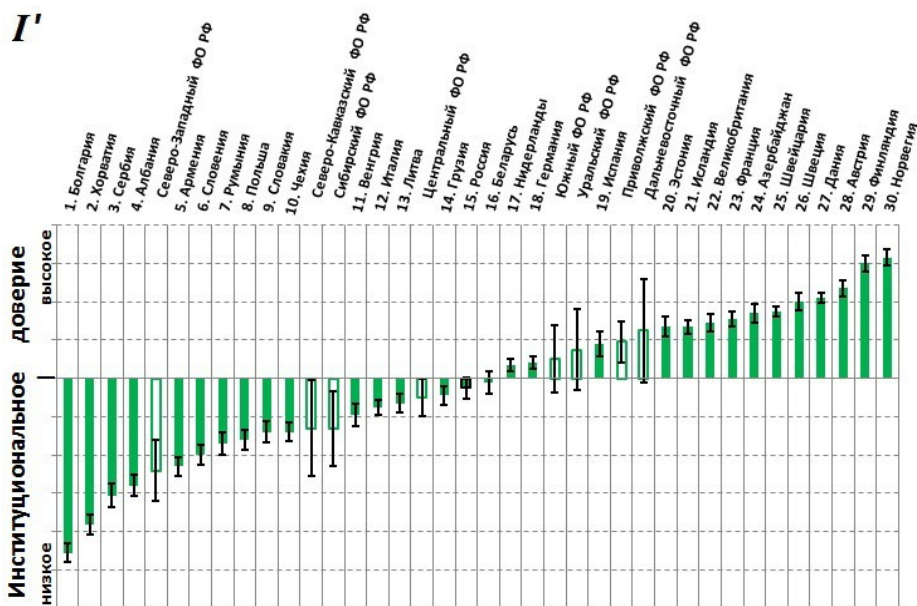

Рис. 3. Уровень институционального доверия и 95 % доверительный интервал для среднего (30 стран и 8 ФО РФ ранжированы в порядке возрастания показателя)

Минимальный, по европейским меркам, уровень I' фиксируются в Болгарии (ранг = 1). Страны-аутсайдеры (чье население характеризуется низким уровнем I'), расположенные в левой половине диаграммы, преимущественно представлены постсоциалистическими государствами и некоторыми из бывших советских республик (за исключением Италии). Россия (ранг = 15) находится в центральной части диаграммы, рядом с Грузией (ранг = 14) и Беларусью (ранг = 16), не выделяясь на общеевропейском фоне.

Сравнительно высоким показателем I' отличается Азербайджан (ранг = 24). Максимальных значений I' достигает в Финляндии (ранг = 29) и Норвегии (ранг = 30).

Процентные распределения в выбранных для примера странах представлены в таблице 3.

Для Болгарии (ранг = 1) очевидна закономерность: чем сильнее недоверие (по полученной нами 4-балльной шкале) респондента по отношению к шести институтам, тем больше таких респондентов в стране. В Грузии (ранг = 14) эта закономерность сохраняется, хотя и в существенно смягченном варианте. Норвегия (ранг = 30) демонстрирует обратную, «позитивную» закономерность: чем выше «институциональное доверие» респондента, тем больше там таких респондентов. В России (ранг = 15), которая находится в центре ранжированного ряда, нарушаются обе отмеченные закономерности разделения на четыре группы респондентов.

Таблица 3. **Процентные распределения, характеризующие уровень «Институционального доверия» респондентов в четырех странах**

Ранг	Страна	Низкое доверие	Скорее, низкое доверие	Скорее, высокое доверие	Высокое доверие
01	Болгария	64,8	19,8	11,8	3,5
14	Грузия	29,2	26,1	23,3	21,4
15	Россия	27,9	22,5	26,1	23,5
30	Норвегия	4	16,7	39,2	40,1

Субъективное благополучие и доверие как основа психологической безопасности

Корреляционный анализ, проведенный на уровне агрегированных по странам данных, показал наличие статистически значимой взаимосвязи показателей субъективного благополучия **S**, генерализованного доверия **G** и институционального доверия **I'**. Была выявлена прямая корреляция — чем выше в стране уровень субъективного благополучия, тем больше **G** ($r = 0,718$; $p < 0,001$) и **I'** ($r = 0,622$; $p < 0,001$). Генерализованное и институциональное доверие также сильно коррелируют ($r = 0,850$; $p < 0,001$).

Такая взаимозависимость теоретически обоснована. Исследователи связывают субъективное благополучие и обобщенное доверие [Инглхарт, Вельцель, 2011], указывают на связь уровня субъективного благополучия с эффективностью деятельности государственных институтов [Лепшокова, 2014].

Можно визуально проследить связь между рассматриваемыми характеристиками на рисунке 4. Для обеспечения сопоставимости шкал полученные показатели **S**, **I'**, **G** были стандартизованы⁶, то есть преобразованы в **z**-баллы (эта процедура не влияет на ранее полученные ранги стран; в дальнейшем под обозначениями **zS**, **zI'**, **zG** подразумевается то же самое, что и под **S**, **I'**, **G**, а именно: субъективное благополучие, институциональное доверие — доверие шести институтам, генерализованное доверие, соответственно).

Страны и федеральные округа РФ на рис. 4 изображены как объекты в трехмерной системе координат — в соответствии с тремя рассматриваемыми показателями (**zS**, **zI'**, **zG**). На диаграмме позиционирование каждой страны (и ФО РФ) в трехмерном пространстве — это интегративная характеристика, позволяющая получить более ценное в содержательном плане комплексное представление о ситуации, складывающейся в той или иной стране (или в российском ФО). На рисунках 5—7 — проекции описываемого облака.

⁶ Стандартизация использована для сопоставимости всех показателей — с показателем **G** (генерализованное доверие), единственным из четырех, который измеряется в %.

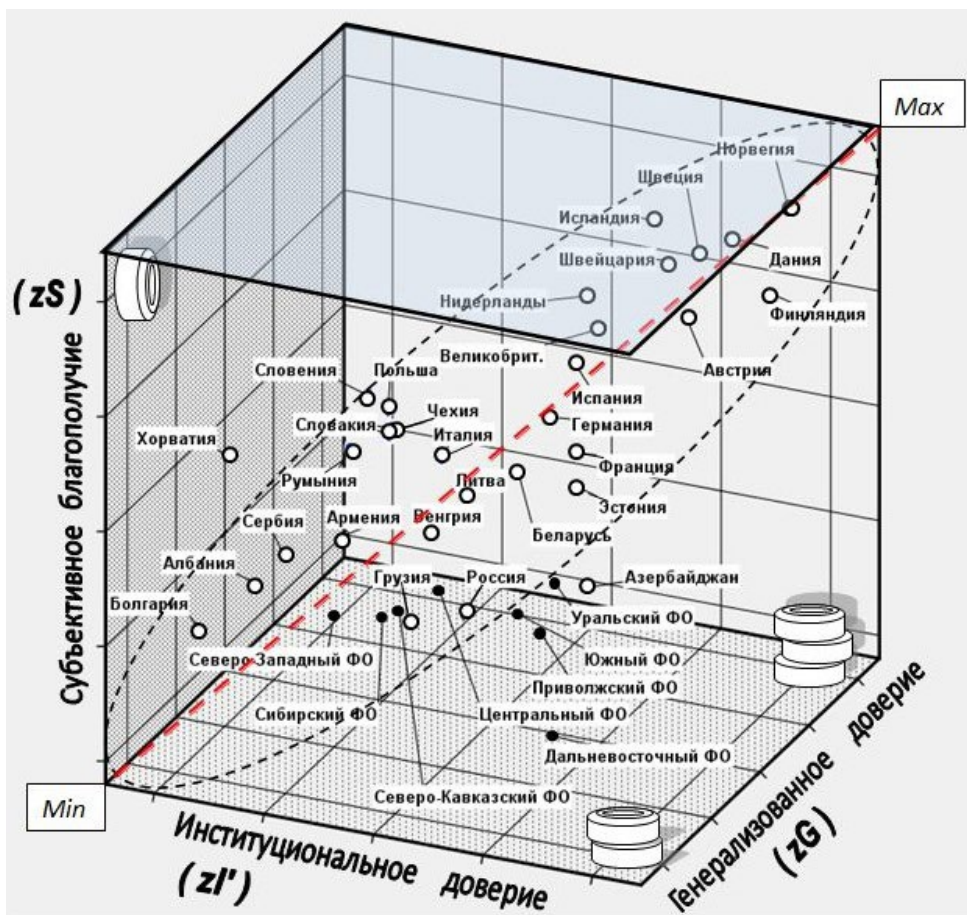

Рис. 4. Позиционирование 30 стран и 8 федеральных округов Российской Федерации в соответствии со стандартизированными средними значениями по характеристикам (z-баллы): субъективное благополучие, институциональное доверие, генерализованное доверие⁷

⁷ Три оси-характеристики образуют у «куба» на рисунке 4 три ребра, сходящиеся в вершине «Min» (параллельные ребра соответствуют одной и той же оси-характеристике). Две боковые грани «куба» «убраны», чтобы открыть его внутреннее пространство. Белые шашки размещены возле трех вершин, речь о которых пойдет позже.

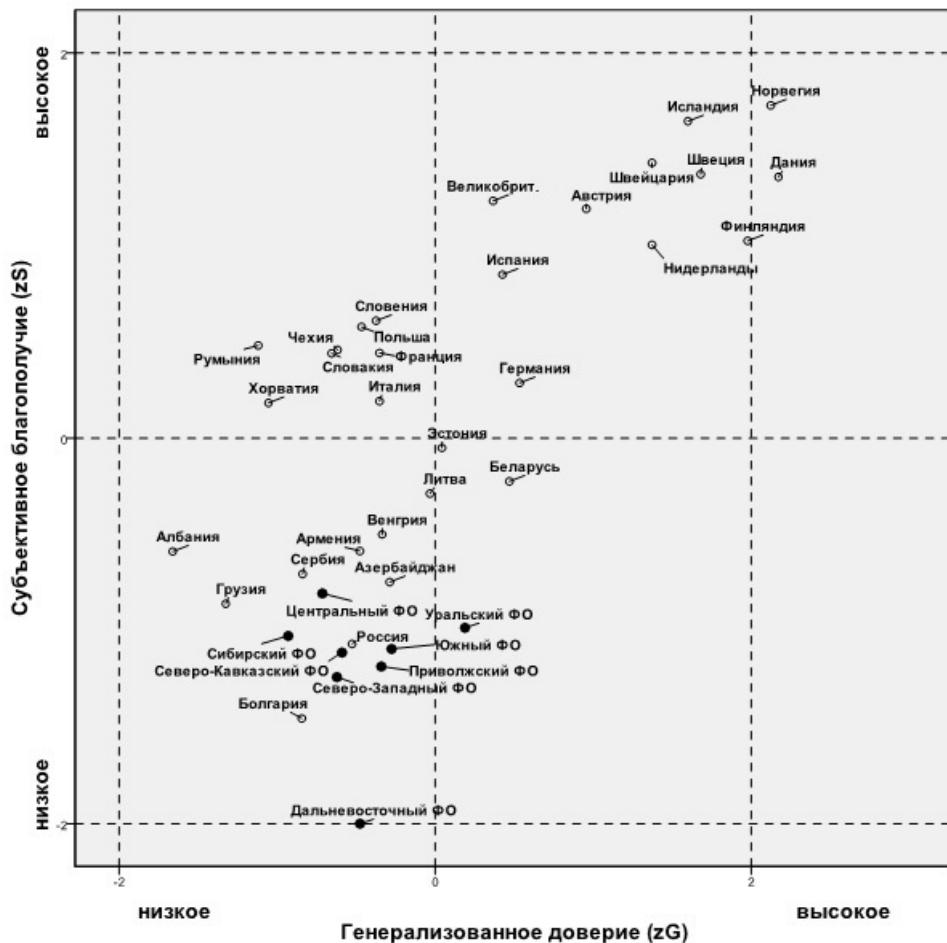

Рис. 5. Позиционирование 30 стран и 8 федеральных округов Российской Федерации в соответствии со стандартизированными средними значениями по характеристикам (z-баллы): субъективное благополучие, генерализованное доверие

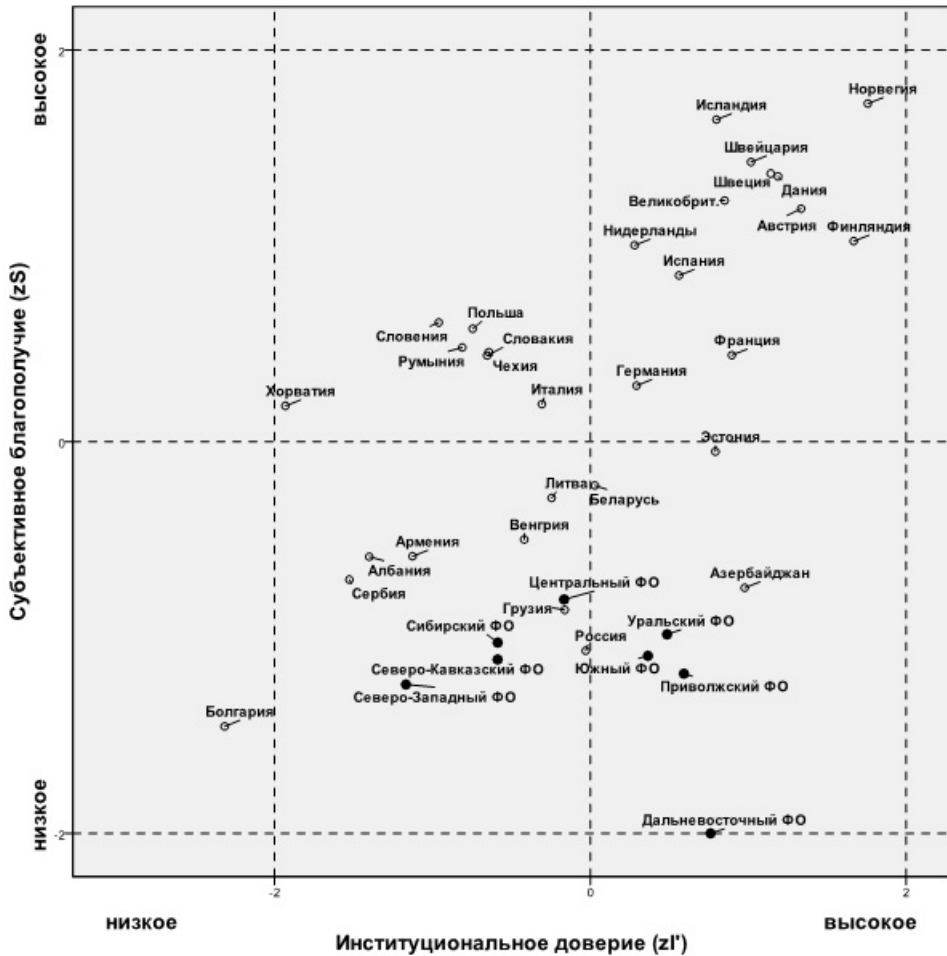

Рис. 6. Позиционирование 30 стран и 8 федеральных округов Российской Федерации в соответствии со стандартизированными средними значениями по характеристикам (z-баллы): субъективное благополучие, институциональное доверие

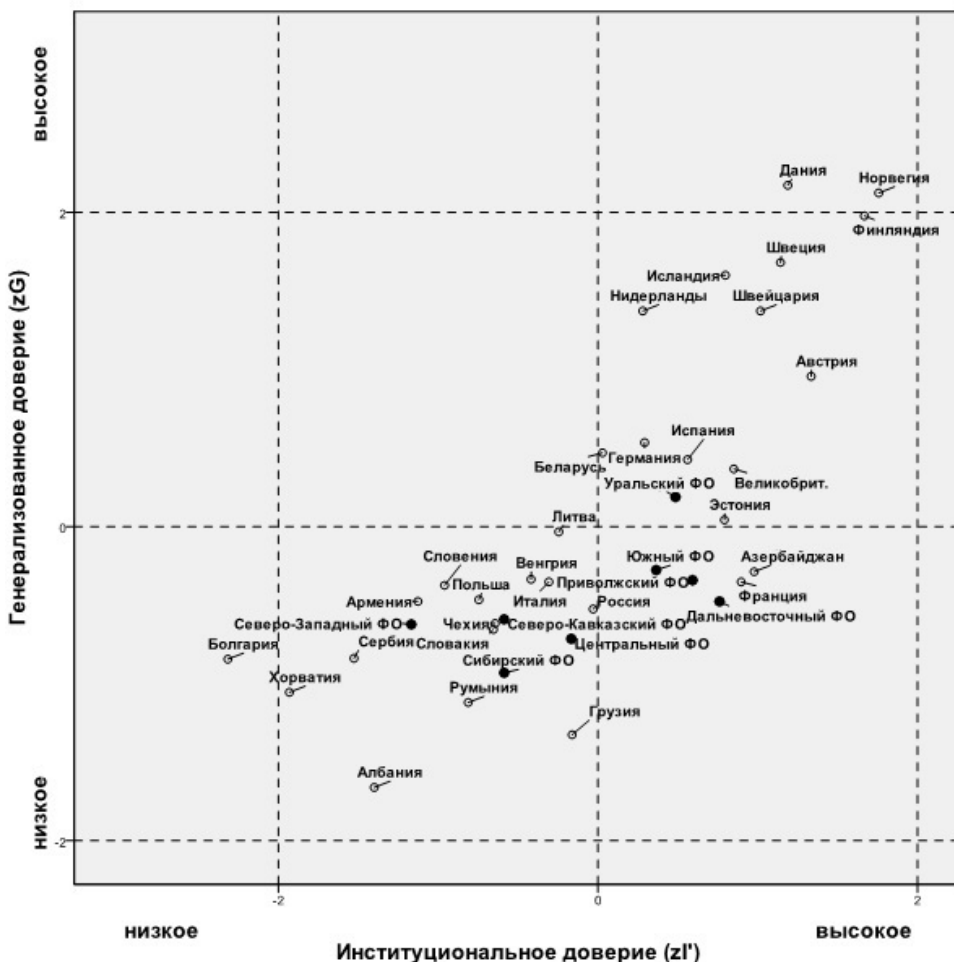

Рис. 7. Позиционирование 30 стран и 8 федеральных округов Российской Федерации в соответствии со стандартизированными средними значениями по характеристикам (z-баллы): генерализованное доверие, институциональное доверие

Обратим внимание на то, что на рисунке 4 «облако» стран по форме как бы «вытянуто»: от ближней к нам вершины куба «*Min*» (где значения по всем рассматриваемым характеристикам минимальны) — к вершине «*Max*» (где значения максимальны). «Вытянутость облака» объясняется линейной связью (корреляцией) показателей. Это свидетельствует о наличии скрытой (латентной) переменной, объединяющей все три рассматриваемые характеристики (zS , zI' , zG).

Примечательно, что очень мала вероятность попадания некоей гипотетической страны, например:

1) в левую верхнюю, ближнюю к нам вершину куба (возле которой «прикреплена» одна белая шашка) — это означало бы, что в такой стране при высоком

субъективном благополучии респонденты не доверяют как большинству других людей, так и *шести рассматриваемым* институтам;

2) в правую нижнюю, ближнюю к нам, вершину куба (возле которой стопка из двух белых шашек) — в такой гипотетической стране с низким уровнем субъективного благополучия населения и низким уровнем генерализованного доверия граждане доверяют *шести* институтам;

3) в правую нижнюю, дальнюю от нас, вершину куба (возле которой «размещена» стопка из трех белых шашек) — это означало бы, что, несмотря на низкий показатель субъективного благополучия, в данной стране имеет место высокий уровень генерализованного доверия и доверия *шести* институтам.

Не станем углубляться в остальные примеры «маловероятного» позиционирования стран, тем более что сам принцип сочетания значений по рассматриваемым характеристикам для конкретной страны ясен.

Отметим, что речь идет именно о *малой вероятности* «попадания» стран в вышеописанные вершины куба. Однако на диаграмме видно, что некоторые объекты находятся на границе облака (например, Словения) или даже заметно «выпадают» за его пределы (Азербайджан и некоторые российские ФО), «стремясь» в сторону вершин *маловероятного* расположения.

Судя по рисунку 4, ближе всех к вершине «*Min*» расположена Болгария, а это значит, что ситуация в ней — самая неблагоприятная из 30 стран, участвовавших в EVS-2017. Подтверждается многолетнее комплексное неблагоприятное макро-социальной ситуации в данной стране, что обнаруживалось и по результатам обработки некоторых данных проекта European Social Survey (ESS), участницей которого Болгария была в 2008 и 2010 гг. [Зеленев, 2013].

Сегмент «облака» возле вершины «*Max*» можно назвать «скандинавским», принимая во внимание преобладающие в нем страны. Самой «благополучной» на диаграмме выглядит Норвегия.

Для детальной оценки макросоциальной ситуации целесообразно обратиться к упомянутой латентной переменной, объединяющей три рассматриваемых показателя. Данная интегративная переменная интерпретируется как «Психологическая безопасность» (в дальнейшем — ***P***). Проведенный факторный анализ⁸ показал корректность объединения ***S***, ***I'***, ***G*** в единую характеристику — фактор ***P***. Его ось на рисунке 4 изображена красной пунктирной линией, а точка проекции на нее конкретной страны (или федерального округа РФ) и оказывается показателем уровня психологической безопасности в этой стране (или ФО РФ).

В целом чем выше субъективное благополучие населения, институциональное доверие и генерализованное доверие в той или иной стране, тем выше там уровень психологической безопасности, и наоборот.

Для проверки валидности интегративной характеристики ***P*** был выбран в качестве критерия ВВП (ППС) на душу населения в 2017 г. по данным МВФ⁹.

⁸ Для агрегированных показателей 30 стран: анализ методом главных компонент; извлечена только одна компонента; решение не может быть повернуто; мера выборочной адекватности Кайзера — Мейера — Олкина = 0,71; объясняемая дисперсия — 83%. Факторные нагрузки: ***S*** = 0,88; ***G*** = 0,94; ***I'*** = 0,89.

⁹ The World Economic Outlook Database. April 2019 Edition. *International Monetary Fund*. 2019. April. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/index.aspx> (accessed: 17.02.2020).

Не оспаривая того, что взаимосвязь психологической безопасности общества и его экономического благополучия сложна и не строго прямо пропорциональна, все же согласимся, что состояние психологической безопасности у большинства населения в экономически развитых странах позитивнее, чем у жителей бедных стран. Это наглядно продемонстрировано и на рисунке 8. Выявленная линейная регрессионная зависимость между двумя переменными объясняет 75,1 % дисперсии!

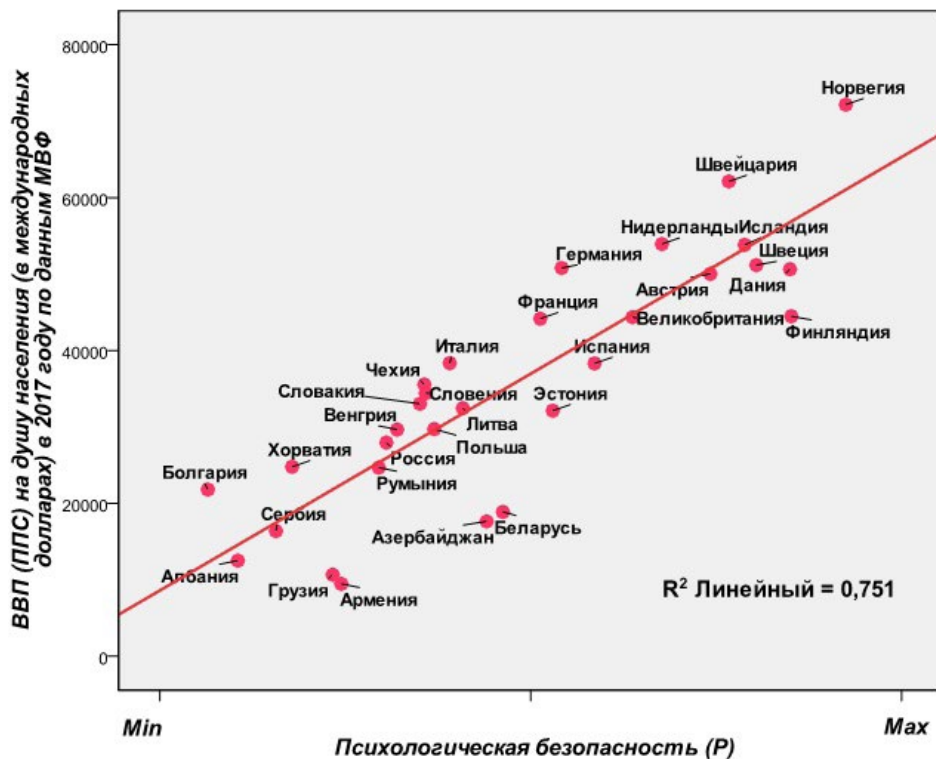

Рис. 8. Позиционирование 30 стран, в соответствии со значениями по характеристикам: психологическая безопасность, ВВП (ППС) на душу населения (в международных долларах) в 2017 г. по данным МВФ

На рисунке 9 тридцать стран и российские макрорегионы расположены в порядке возрастания их средних факторных значений по уровню психологической безопасности. Иными словами, чем меньше ранг страны, тем ниже у нее показатель **P**; а чем больше ранг — тем показатель выше.

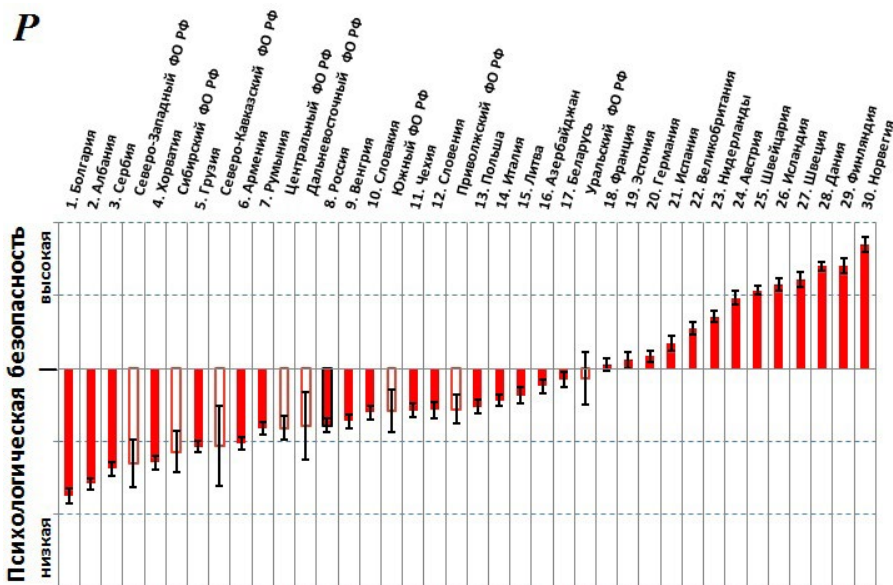

Рис. 9. Средние значения по характеристике «психологическая безопасность» и 95% доверительный интервал для среднего (30 стран и 8 ФО РФ ранжированы в порядке возрастания показателя)

По уровню психологической безопасности на общероссийском фоне выделяют-ся Северо-Западный ФО и Уральский ФО. В Северо-Западном ФО фиксируется самый низкий по российским меркам уровень **P** у населения, сопоставимый с неблагополучными по рассматриваемому показателю странами — Сербией, Хорватией, Албанией, Грузией, Болгарией, Арменией. УрФО характеризуется сравнительно высоким уровнем психологической безопасности, значительно не отличающимся, например, от Германии, Эстонии, Франции.

Самая неблагоприятная ситуация с уровнем психологической безопасности складывается в Болгарии (ранг = 1), о чем упоминалось при описании рисунка 4. Из рисунка 9 следует, что похожим образом обстоят дела в Албании (ранг = 2) и Сербии (ранг = 3). В «благополучном» крыле диаграммы расположились страны Северной Европы: Исландия (ранг = 26); Швеция (ранг = 27); Дания (ранг = 28); Финляндия (ранг = 29); Норвегия (ранг = 30).

Россия (ранг = 8) соседствует с Румынией (ранг = 7) и Венгрией (ранг = 9). К сожалению, нашу страну нельзя отнести к числу государств с высоким уровнем психологической безопасности общества.

Процентные распределения в выбранных для примера странах представлены в таблице 4.

Таблица 4. Процентные распределения респондентов в соответствии с их субъективным состоянием психологической безопасности в четырех странах

Ранг	Страна	Низкая <i>P</i>	Скорее низкая <i>P</i>	Скорее высокая <i>P</i>	Высокая <i>P</i>
01	Болгария	60,3%	21%	13,6%	5,1%
08	Россия	37,8%	28,7%	22,1%	11,4%
16	Азербайджан	21,8%	34,4%	28,7%	15,1%
30	Норвегия	3,7%	10,7%	26,3%	59,3%

В Болгарии (ранг = 1) налицо закономерность: чем ниже психологическая безопасность (по полученной нами четырехбалльной шкале) респондента, тем больше таких респондентов в стране. Отметим, что в России (ранг = 8) подобная закономерность сохраняется, но выражена слабее. Норвегия (ранг = 30) демонстрирует уже обратную, «позитивную» закономерность: чем выше уровень психологической безопасности респондента, тем больше таких респондентов в стране. При этом доля опрошенных с низким уровнем *P* минимальна. В Азербайджане (ранг = 16) распределение ближе к нормальному.

Возвращаясь к позиционированию стран в трехмерном пространстве на рис. 4, напомним, что в получающемся таким образом «облаке» некоторые страны «выпадают» за его пределы или «стремятся» в сторону вершин *маловероятного* расположения. Такое расположение в облаке — дополнительный повод для рассмотрения, потому что свидетельствует о несбалансированности компонентов психологической безопасности. В России имеем сочетание: очень низкого *S* (РАНГ_{*S*}=2, см. рис. 1), невысокого *G* (РАНГ_{*G*}=9, см. рис. 2) и выступающего в нашей стране драйвером психологической безопасности — сравнительно высокого, среднего по европейским меркам, уровня *I'* (РАНГ_{*I'*}=15, см. рис. 3), что отчетливо проявилось на рисунке 6.

При этом доверие различным институтам существенно варьируется. Больше всего россияне доверяют *национальной системе образования* (ответы на вопрос Q38с). Наименьшим доверием пользуются системы *здравоохранения* (ответы на вопрос Q38l) и *правосудия* (ответы на вопрос Q38m). Причины такого отношения рассматривались в одной из публикаций отдельно [Прохода, 2019].

* * *

В данной публикации мы постарались проиллюстрировать, с одной стороны, обоснованность и продуктивность при комплексной оценке макросоциальной ситуации — дифференцирования трех показателей, объединенных фактором «Психологическая безопасность» (*P*). Благодаря этому появляется дополнительная характеристика: сбалансированность/несбалансированность ситуации. Полученная информация может стать эффективным подспорьем в принятии решений в области социальной инженерии.

С другой стороны, были предоставлены теоретические и эмпирические доказательства интегративного характера рассмотренной латентной переменной **P**.

Не девальвируя ценности многочисленных имеющихся на сегодняшний день рейтингов, тем не менее полагаем, что важно принимать во внимание сложность феномена, который многие исследователи называют по-разному и рассчитывают по своим методикам. Суть этого феномена, на наш взгляд, наиболее полно выражает конструкт «психологическая безопасность общества» (более релевантный в контексте рассмотрения макросоциальной ситуации в странах и особенно в плане оценки ее сбалансированности/несбалансированности). Его трактовка подразумевает, в частности, рассмотрение уровней субъективного благополучия, генерализованного и институционального доверия — как *объединенных* в интегративную характеристику, так и *дифференцированно*.

Выводы

- «Счастье», «психологическое благополучие» и «субъективное благополучие», «качество жизни» и т. п. — это понятия, которые находятся на пересекающихся прямых в семантическом пространстве различных теорий.
- В русле междисциплинарного подхода при оценке макросоциальной ситуации в стране или регионе целесообразно использовать понятие «психологическая безопасность», которое в полной мере характеризует общество по широкому спектру социально-психологических показателей.
- В полученный фактор «субъективное благополучие» (**S**) оказались включены следующие переменные: *эмоциональное состояние счастья, самооценка состояния здоровья, свобода жизненного выбора, субъективная удовлетворенность жизнью*.
- Уровень субъективного благополучия (показатель **S**) россиян, в сравнении с жителями остальных стран — участников проекта, чрезвычайно низкий. Ниже показатель только в Болгарии. На противоположном «полюсе» — Швейцария, Исландия и Норвегия.
- По уровню **S** значимые различия между Россией в целом и федеральными округами отсутствуют.
- Европейские страны весьма дифференцированы по уровню обобщенного доверия (**G**). Минимальный (в Албании) и максимальный (в Дании) показатели **G** различаются более чем в 26 раз. Россию, к сожалению, нельзя отнести к числу государств с высоким уровнем генерализованного доверия.
- По сравнению с Россией в целом уровень **G** в Уральском ФО — высокий, а в Сибирском ФО — низкий.
- Полученный фактор «институциональное доверие» (**I'**) характеризует доверие институтам, с которыми респонденты могут непосредственно контактировать в своих повседневных социальных практиках: *системе образования, полиции, государственным учреждениям (службы), системе социального обеспечения, системе здравоохранения, системе правосудия*.
- Показатель **I'** у России средний, по европейским меркам. Наименьшее доверие *шести институтам* демонстрируют жители Болгарии и Хорватии. Максимальные значения **I'** — в Финляндии и Норвегии.

- По уровню *I'* значимо от общероссийских показателей отличается (в худшую сторону) Северо-Западный ФО. Население Приволжского ФО, наоборот, характеризуется сравнительно высоким по общероссийским меркам *I'*.
- Подтверждено наличие статистически значимой взаимосвязи показателей *S*, *G*, *I'*, которые объединяются в интегративную переменную «психологическая безопасность» (*P*).
- Валидность полученной характеристики *P* проверена, в частности, с помощью критерия «показатель ВВП (ППС) на душу населения в 2017 г.».
- Четыре рассчитанные характеристики (*S*, *G*, *I'* и *P*) могут использоваться как валидные критерии для оценки макросоциальной ситуации.
- Из 30 стран в семи уровень психологической безопасности ниже, чем в России. Наиболее неблагоприятная ситуация с показателем *P* складывается в Болгарии и Албании. Самый высокий уровень психологической безопасности в Финляндии и Норвегии.
- По уровню психологической безопасности на общероссийском фоне выделяются Северо-Западный ФО (с самым низким по российским меркам уровнем *P*) и Уральский ФО (с довольно высоким уровнем *P*).
- Драйвер психологической безопасности в нашей стране — сравнительно высокий уровень *I'*. При этом доверие различным институтам существенно варьируется. Больше всего россияне доверяют *национальной системе образования*, наименьшим доверием пользуются системы *здравоохранения и правосудия*.
- Доказаны обоснованность и продуктивность, при комплексной оценке макросоциальной ситуации, рассмотрения уровней субъективного благополучия, генерализованного и институционального доверия — как *объединенных* в интегративную характеристику, так и *дифференцированно*.

Список литературы (References)

Алмакаева А. М. Измерение генерализованного (обобщенного) доверия в кросс-культурных исследованиях // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 32—43.

Almakaeva A. M. (2014) Measuring Generalized Trust in Cross-Cultural Studies. *Sociological Studies*. No. 11. P. 32—43. (In Russ.)

Антоненко И. В. Социально-психологическое содержание доверия // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 111—135.

Antonenko I. V. (2013) Socio-Psychological Contents of Trust. In: Kupreychenko A. B., Mersyanova I. V. (eds.) *Trust and Distrust under Civil Society Development*. Moscow: National Research University Higher School of Economics. P. 111—135. (In Russ.)

Аргайл М. Психология счастья. М.: Питер, 2003.

Argyle M. (2003) *The Psychology of Happiness*. Moscow: Piter. (In Russ.)

Бююль А., Цёфель П. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. СПб.: ДиаСофтЮП, 2002.

Bühl A., Zöfel P. (2002) *SPSS: An Art of Analysis of Information. Statistical Data Analysis and Hidden Patterns Identification*. Saint Petersburg: DiaSoftYuP. (In Russ.)

Воронов В., Ромашкин Г. Доверие как индикатор здоровья современного общества // *INTER-CULTUR@L-NET*. 2010. № 9. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/15> (дата обращения: 17.02.2020).

Voronov V., Romashkin G. (2010) Trust as an Indicator of the Health of Modern Society. *INTER-CULTUR@L-NET*. No. 9. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/15> (accessed: 17.02.2020). (In Russ.)

Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю., Тарасова Л. В., Веракса А. Н., Рикель А. М. Доверие и субъективное благополучие как основание психологической безопасности современного общества. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. Dontsov A. I., Perelygina E. B., Zotova O. Yu., Tarasova L. V., Veraksa A. N., Rikel A. M. (2018) Trust and Subjective Well-Being as the Basis of the Psychological Security of Modern Society. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet. (In Russ.)

Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю., Мостиков С. В. Доверие как фактор психологической безопасности в межнациональном взаимодействии // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 2. С. 21—34. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090202>.

Dontsov A. I., Perelygina E. B., Zotova O. Yu., Mostikov S. V. (2018) Trust as a Factor of Psychological Security in Interethnic Interaction. *Social Psychology and Society*. Vol. 9. No. 2. P. 21—34. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090202>. (In Russ.)

Донцов А. И., Зеленеv И. А., Прохода В. А. Макросоциальная динамика и этническая толерантность/интолерантность в современных Европе и России // *Вопросы психологии*. 2019. № 3. С. 75—93.

Dontsov A. I., Zelenev I. A., Prokhoda V. A. (2019) Macro-Social Dynamics and Ethnic Tolerance/Intolerance in Contemporary Europe and Russia. *Voprosy Psikhologii*. No. 3. P. 75—93. (In Russ.)

Зеленеv И. А. Восприятие социального окружения и оптимизм/пессимизм в России и других европейских странах // *Вопросы психологии*. 2013. № 2. С. 52—65.

Zelenev I. A. (2013) Influence of a Social Environment and Optimism/Pessimism in Russia and other European Countries. *Voprosy Psikhologii*. No. 2. P. 52—65. (In Russ.)

Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю. Основы безопасности личности и общества. М. : Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2010.

Zinchenko Yu. P., Zotova O. Yu. (2010) *Fundamentals of Personal and Social Security*. Moscow: Academy for Advanced Studies and Professional Retraining of Education Workers. (In Russ.)

Золотарева Г. А., Зайковская А. С. Сопоставление объективных и субъективных оценок благополучия населения в странах Европы // *Экономика, управление, финансы : Материалы IV Международной научной конференции*. Пермь : Зebra, 2015. С. 29—31.

Zolotareva G. A., Zaykovskaya A. S. (2015) Comparison of Objective and Subjective Assessments of Well-Being of European Countries' Population. In: *Economics, Management, Finance. Proceedings of the IVth International Academic Conference*. Perm: Zebra. P. 29—31. (In Russ.)

Зотова О. Ю. Теоретический обзор современных концепций психологической безопасности // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 247—253.
Zotova O. Yu. (2016) Theoretical Overview of Contemporary Concepts of Psychological Security. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. No. 6. P. 247—253. (In Russ.)

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoye izdatelstvo. (In Russ.)

Карапетян Л. В. Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 1. С. 171—182.
Karapetyan L. V. (2014) Theoretical Approaches to Understanding of Subjective Well-Being. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. No. 1. P. 171—182. (In Russ.)

Кертман Г. Л. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 7—24.
Kertman G. L. (2006) Interpersonal Trust in Russia. *Social Reality*. No. 4. P. 7—24. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Введение: личностный потенциал как объект изучения // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 6—10.
Leontiev D. A. (2011) Introduction: Personality Potential as an Object of Study. Leontiev D. A. (ed.) *Personality Potential: Structure and Diagnostics*. Moscow: Smysl. P. 6—10. (In Russ.)

Лепшокова З. Х. Удовлетворенность работой государственных институтов и субъективное благополучие россиян // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии : Материалы Четвертой международной научной конференции. Т. 1. Смоленск : Смоленский гуманитарный университет, 2014. С. 198—201.
Lepshokova Z. Kh. (2014) Satisfaction with the Work of State Institutions and the Subjective Well-Being of Russians. In: *Theoretical Problems of Ethnic and Cross-Cultural Psychology: Proceedings of the Fourth International Academic Conference. Vol. 1*. Smolensk: Smolensk University for Humanities. P. 198—201. (In Russ.)

Мерсиянова И. В. Доверие и недоверие в гражданском обществе // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 170—197.
Mersiyanova I. V. (2013) Trust and Distrust in Civil Society. In: Kupreychenko A. B., Mersiyanova I. V. (eds.) *Trust and Distrust under Civil Society Development*. Moscow: National Research University Higher School of Economics. P. 170—197. (In Russ.)

Прохода В. А. Доверие россиян национальной судебно-правовой системе (по материалам социологического исследования) // Социодинамика. 2019. № 5. С. 86—94. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.5.29812>.

Prokhoda V. A. (2019) Trust of the Russians in the National Judicial and Legal System (Based on the Materials of Sociological Research). *Sociodynamics*. No. 5. P. 86—94. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.5.29812>. (In Russ.)

Рощин С. К., Соснин В. А. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6. С. 26—36.

Roshchin S. K., Sosnin V. A. (1995) Psychological Security: A New Approach to Security of a Human, Society and State. *Russian Monitor*. No. 6. P. 26—36. (In Russ.)

Рукавишников В. О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 17—25.

Rukavishnikov V. O. (2008) Interpersonal Trust: Assessment and Cross-Country Comparisons. *Sociological Studies*. No. 2. P. 17—25. (In Russ.)

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ, 2004. Fukuyama F. (2004) Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: AST. (In Russ.)

Afolabi O., Baloguna A. (2017) Impacts of Psychological Security, Emotional Intelligence and Self-Efficacy on Undergraduates' Life Satisfaction. *Psychological Thought*. Vol. 10. No. 2. P. 247—261. <https://doi.org/10.5964/psyct.v10i2.226>.

Aneshensel C. S., Sucoff C. A. (1996) The Neighborhood Context of Adolescent Mental Health. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 37. No. 4. P. 293—310. <https://doi.org/10.2307/2137258>.

Bar-Tal D., Kruglanski A. W. (eds.) (1988) The Social Psychology of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Les Éditions de la Maison des sciences de l'homme.

Coleman J. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*. Vol. 94. P. 95—120. <https://doi.org/10.1086/228943>.

Demir M. (2008) Sweetheart, You Really Make Me Happy: Romantic Relationship Quality and Personality as Predictors of Happiness among Emerging Adults. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 9. No. 2. P. 257—277. <https://doi.org/10.1007/s10902-007-9051-8>.

Diener E. (1984) Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. Vol. 95. No. 3. P. 542—575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>.

Dontsov A. I., Zinchenko Yu. P., Perelygina E. B., Dontskaya O. A. (2019) The Relationship between Vectors of Psychological Security and Identity Continuity. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Vol. 64. P. 123—129. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.07.16>.

- Fukuyama F. (2001) Social Capital, Civil Society and Development. *Third World Quarterly*. Vol. 22. No. 1. P. 7—20. <https://doi.org/10.1080/713701144>.
- Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. D., De Neve J.-E., Huang H., Wang S. (eds.) (2017) World Happiness Report 2017. New York: Sustainable Development Solutions Network. URL: <https://s3.amazonaws.com/happiness-report/2017/HR17.pdf> (accessed: 17.02.2020).
- Hobfoll S. E. (1989) Conservation of Resources: A New Attempt at Conceptualizing Stress. *The American Psychologist*. Vol. 44. No. 3. P. 513—524. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.44.3.513>.
- Inglehart R. (1997) Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Lazarus R. S. (1991) Cognition and Motivation in Emotion. *American Psychologist*. Vol. 46. No. 4. P. 352—367. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.46.4.352>.
- Maslow A. H. (1942) The Dynamics of Psychological Security-Insecurity. *Character and Personality: A Quarterly for Psychodiagnostic and Allied Studies*. Vol. 10. No. 4. P. 331—344. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1942.tb01911.x>.
- Maslow A. H., Hirsh E., Stein M., Honigmann I. (1945) A Clinical Derived Test for Measuring Psychological Security — Insecurity. *The Journal of General Psychology*. Vol. 33. No. 1. P. 21—41. <https://doi.org/10.1080/00221309.1945.10544493>.
- Miller A. S., Mitamura T. (2003) Are Surveys on Trust Trustworthy? *Social Psychology Quarterly*. Vol. 66. No. 1. P. 62—70. <https://doi.org/10.2307/3090141>.
- Ross C. E., Mirowsky J. (2009) Neighborhood Disorder, Subjective Alienation and Distress. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 50. No. 1. P. 49—64. <https://doi.org/10.1177/002214650905000104>.
- Siemsen E., Roth A. V., Balasubramanian S., Anand G. (2009) The Influence of Psychological Safety and Confidence in Knowledge on Employee Knowledge Sharing. *Manufacturing & Service Operations Management*. Vol. 11. No. 3. P. 429—447. <https://doi.org/10.1287/msom.1080.0233>.
- Smith C. A., Lazarus R. S. (1993) Appraisal Components, Core Relational Themes, and the Emotions. *Cognition and Emotion*. Vol. 7. No. 3—4. P. 233—269. <https://doi.org/10.1080/02699939308409189>.
- Taormina R. J., Sun R. (2015) Antecedents and Outcomes of Psychological Insecurity and Interpersonal Trust among Chinese People. *Psychological Thought*. Vol. 8. No. 2. P. 173—188. <https://doi.org/10.5964/psyc.v8i2.143>.
- Torpe L., Lolle H. (2011) Identifying Social Trust in Cross-Country Analysis: Do We Really Measure the Same? *Social Indicators Research*. Vol. 103. No. 3. P. 481—500. <https://doi.org/10.1007/s11205-010-9713-5>.